

СОФИОФОБИЯ: ОПЫТ АПОЛОГИИ ФИЛОСОФИИ В УНИВЕРСИТЕТЕ

Дмитрий Майборода¹

Abstract

On the basis of the statement that the university is possible only when there is versatile knowledge there, the article refutes the basic arguments against teaching philosophy at university. It is stated that philosophy is a necessary independent form of versatile knowledge, whose major problem is the relation of a person to the world, including gnoseological and in general world outlook, which is important for university education taking into account its aims. Philosophy really does not reach certain parameters of accuracy and validity, which however does not serve as a sufficient basis for its denial. Basic negation of versatile knowledge is a position that contradicts itself and subverts human thinking as a whole. The perception of philosophy as useless or dangerous is as inconsistent and does not prove the refusal of it, as the representation of it as something innate, simple and unable to be taught.

As far as there are no rational arguments in favour of denial of philosophy, the article concludes that the reason for this is basically irrational. Sophiaphobia in relation to philosophy can be often the result of some particular problems (defect of communication with a lecturer, the unsuccessful organisation and so on) but in this case it is necessary to solve these certain problems instead of denying philosophy in general. While the aversion of philosophy has a general character it can be viewed as a consequence of universal sophiaphobia of the present, or as a result of features of sociocultural positioning of philosophy in the present, including the process of teaching. In the latter case the possible reasons are replacement of originality of thinking by a reproduction of thinking of authorities, unsystematic and unnatural character of philosophy courses, and also a common cultural image of a philosopher as an unhappy lonely theorist. If these difficulties are not solved sophiaphobia of philosophy will win whatever rational arguments against it are found.

Keywords: philosophy, university, versatile knowledge, sophiaphobia, science, world outlook.

Университет возможен лишь при наличии в нём универсальных знаний (философии). Проект устранения философии из университета может базироваться на трёх воз-

¹ Дмитрий Майборода – кандидат философских наук, доцент кафедры философии и логики Минского государственного лингвистического университета (г. Минск, Беларусь).

можных отношениях к этому высказыванию. Его можно не принимать как логичное; правда, в этом случае придётся разработать какую-то иную логику взамен сложившейся (например, в соответствии с которой «университет – учебное учреждение без универсальных знаний»). Другой подход – отрицать, что философия представляет собой самостоятельную сферу универсальных знаний. Наконец, можно принять исходное высказывание как истинное, но всё же настаивать на исключении философии, имея в виду устранение самого университета (например, с преобразованием его в институт иного типа – специалитет или высшее профтехучилище). Поскольку первый вариант возможен лишь в случае, если рассуждающий не имеет необходимых логических знаний или, напротив, имеет вескую для публичного отрицания логики корысть, что делает всякую дискуссию с ним бессмысленной, то следует всерьёз рассмотреть лишь два равновероятных основания – дисквалификацию философии или устранение университета.

Дисквалификация философии как самостоятельной формы универсального знания может следовать из отрицания универсальности её предмета или отрицания философии как специфической сферы знания (или науки). Отрицание универсальности предмета философии в соответствии с её этимологией (любовь к мудрости) логично выливается в сведение её к теории познания. Правда, устранять философию как теорию познания из системы подготовки учёных было бы нелогично и непродуктивно. По ту сторону логики, но с учётом культурного контекста современности философию можно специализировать через сведение её к наиболее общим гуманитарным знаниям. Действительно, философию можно рассматривать как общую основу гуманитаристики, но это свидетельствует скорее в пользу представления о том, что её следует преподавать, если, конечно, имеет смысл представлять в университете сами гуманитарные науки. Но более того, если философия – основа гуманитаристики в той же степени, в какой физика выступает основой естествознания, то должна существовать общая сфера знания, их согласующая. Традиционно такая наиболее общая наука о соотношении основ природы и человека как раз и называлась философией. Если это имя относить лишь к основам гуманитаристики, то просто потребуются какое-то иное имя для наиболее универсальной науки, например «философия 2.0». И, конечно, эта игра имён никак не отрицает необходимости преподавать философию и в том, и в другом её виде в университете.

Отрицание философии как универсального знания через отрицание её познавательного значения или статуса науки подразумевает, что философия не достигает определённых параметров точности и обоснованности. Отметим, что похожее возражение со стороны тех, кто придерживается строгой научности, выдвигается по отношению к гуманитарным наукам в целом, которые в сравнении с так называемыми точными науками предстают расплывчатыми. Но это вряд ли может означать, что гуманитарные науки и философия

могут быть устранены, в том числе из системы образования. Помимо прочего, следует заметить, что и естественные науки не сразу достигли параметров точности, и если бы в ходе истории они были бы отвергнуты из-за своей нечёткости, то они никогда не смогли бы эволюционировать до современного состояния. Поскольку универсальные знания, как и знания о человеке, необходимы, то они должны быть приняты в том виде, в каком они есть, пусть и с требованием повышения их точности и обоснованности.

Правда, часто вообще утверждают, что философия – только мировоззрение или идеология, а вовсе не наука. Эту декларацию важно рассмотреть подробнее, поскольку в современной культуре она имеют широчайшее распространение и зачастую сами философы её придерживаются, давая тем основание к отрицанию философии как науки. Представление, что философия – лишь мировоззрение, настолько распространено, что проявляется даже в практиках употребления естественного языка. И действительно, философия как сфера универсального знания имеет прямое отношение к мировоззрению, однако было бы неоправданно их отождествлять. Прежде всего, невозможно свести весь объём мировоззрения к философии, именно поэтому философия описывается, например, как «рационально-теоретическое ядро мировоззрения». При этом, в отличие от индивидуального мировоззрения, философия носит более общий характер (при общности рационально-теоретического ядра индивидуальные мировоззрения могут существенно варьироваться в зависимости от разных контекстов). Философия действительно может быть представлена как обобщённое мировоззрение, но как теоретическая форма мировоззрения выступает и любая наука, какой бы объективной и далёкой от человека она ни казалась (ведь и философия в свете своей непонятности и сложности традиционно воспринималась как «божественная наука», всё же в сущности оставаясь наукой человеческой). Поскольку вне мировоззрения знание невозможно (но возможна иллюзия такого знания – безличной «информации»), то исследование мировоззрения (то есть его рефлексия) необходимо для обоснования всякого знания (в том числе научного). Но даже если допустить, что мы обладаем безличным знанием, то исследование и такого знания в его отношении к мировоззрению необходимо, а такого рода изучение нельзя свести лишь к психологии, и, таким образом, как теория познания философия вновь оказывается необходима.

Здесь стоит оговориться, что определение философии как теории познания и науки о мировоззрении ни в коей мере не противоречит её значению как универсальной науки, поскольку основным решаемым вопросом остаётся отношение человека и мира, или связь знания (идеального бытия вообще) и мира (материального бытия), что и выступает допустимым пределом универсальности знания. И, наконец, даже если исключать знание из мировоззрения и ограничивать философию только статусом науки о мировоззрении (а не знании вообще), то и этот абсурдный вариант

мало свидетельствовал бы в пользу исключения её преподавания в университете, поскольку для интеллектуальной элиты необходимо представление хотя бы и о таком купированном мировоззрении для эффективной социокультурной деятельности.

Несколько иначе раскрывается представление о том, что философия – идеология, а не наука. Сторонники этого подхода ссылаются на большое количество суждений долженствования (или ценностных высказываний) в философии, которые считаются недопустимыми в научном контексте, а также упрекают философию в небрежном отношении к фактам. Действительно, в философии проявляется такое долженствование, но, *во-первых*, в определённом смысле оно свойственно и точным наукам (поскольку они, по крайней мере в своей прикладной плоскости, нацелены на преобразование природы в интересах человека), а *во-вторых*, философия осуществима и вне ценностных высказываний, так что если воспринимать их как чуждые науке или непродуктивные, то имело бы смысл ратовать за исключение их, а не философии. Следует также отметить, что в современном мире идеология выступает важнейшей формой мировоззрения, а потому её исследование (то есть опять-таки философия) сохраняет свою необходимость.

Что же касается небрежения философии к опыту (символом которого считается ответ Гегеля на замечание, что его теория не согласуется с фактами, – «тем хуже для фактов»), то оно также не может рассматриваться как сущностное. Даже если во многих философских теориях такая несогласованность с фактами и наблюдается, то это – причина дисквалификации этих теорий, а не философии в принципе. История предоставляет богатую информацию об ошибках философов, но не в меньшей мере – и об ошибках учёных (наука как «кладбище гипотез»). Иногда также говорят, что философские высказывания суть такие, которые вообще невозможно сопоставить с фактами, но их всё же можно сопоставить с другими высказываниями, сопоставимыми с опытом (то есть высказываниями конкретных наук). Конечно, универсальные знания никогда не достигают достаточного обоснования, в значительной мере базируясь на вере, но аналогичным статусом, например, обладают и общие высказывания в точных науках, к тому же проблемой является сама принципиальная полнота системы обоснования для всякой теории.

Наконец, даже если признавать философию как универсальное знание, остаётся возражение, касающееся её самостоятельности. Это возражение состоит в том, что поскольку универсальные знания и связанное с ними мировоззрение напрямую связаны с данными конкретных наук, то философия и так преподаётся как теоретическая основа любой науки, а выделять её в отдельный курс неоправданно. Конечно, теоретические основы физики, биологии, психологии, культурологии, социологии и других наук вкуче могут рассматриваться как философия, однако ограничиться их преподаванием возможно лишь в том случае, если они составляют единую

логически отстроенную структуру науки, а не неоднозначный агрегат различных знаний. А в настоящий момент научное знание как раз и предстаёт как такой агрегат, проблематичность которого проявляется, прежде всего, в несоответствии естествознания и гуманитаристики. Этот разрыв в знании отчётливо проявился в XX веке, став важнейшей темой философских споров поборников преобразования гуманитарных наук по естественнонаучному образцу и сторонников идеи нередуцируемой специфики гуманитаристики. Фактически, данные споры основаны на одном вопросе: возможно ли свести гуманитарные науки к подразделу биологии (в более наивном виде – физики). В случае положительного ответа, действительно, в философии отпала бы нужда, поскольку место наиболее универсальной науки заняла бы теоретическая физика (в этом случае она должна была бы наработать достаточную теоретическую базу для описания взаимодействия наблюдателя и действительности своими методами – и такие разработки действительно активно ведутся, однако в целом эта проблема пока решается воспроизведением несущественно трансформированного философского взгляда на этот процесс). Однако попытки свести к биологии индивидуальную, межличностную и социальную жизнь всё ещё не дали приемлемых результатов, а потому, по крайней мере, преждевременно требуют исключения философии. *Status quo* в вопросе организации наук сегодня – признание особенности гуманитаристики при ограниченном влиянии на неё естественных наук – не позволяет избегать преподавания отдельной дисциплины, которая раскрывала бы взаимодействие этих разнотипных наук, – то есть философии.

Но проблематичность проявляется не только в связи гуманитаристики и естествознания, но и в самих естественных науках. Кажущиеся на первый взгляд точными понятия, используемые сегодня для описания структуры наук, являются расплывчатыми результатами различных конвенций, отражая тем самым историю культуры. Наиболее явно эта условность проявляется в отношении физики, поскольку она, с одной стороны, как наука о природе объёмлет все остальные естественные науки, а с другой – выступает их разделом (ср., напр., разницу химии и химической физики, биологии и биофизики и пр.). Миф о чётком определении физики в отличие от философии на практике никак не подтверждается (наиболее курьёзно он выглядит при сопоставлении определений *Большой советской энциклопедии*, где физика предстаёт наукой о наиболее общих закономерностях явлений природы, а философия – как наука о всеобщих законах развития природы, общества и мышления). Проблемность проявляется и в отношении математики, статус которой определяется по-разному в разных контекстах – как предельно общей естественной науки, как фундаментальной науки по ту сторону разделения гуманитаристики и естествознания или как особого языка (а не самостоятельной науки), используемого в естествознании, и пр. Не меньшие сложности характеризуют и выделение при-

кладных наук, которые, скорее, являются не отдельными науками, а лишь специализированными областями наук. В гуманитарных науках сложности определения также ярко проявляются, например, в связи с тенденциями научного империализма, и прежде всего – социологизации гуманитаристики. (Доминирующий сегодня тренд замещения понятия «гуманитарных наук» на «науки социальные» упирается, прежде всего, в несводимость психологии к социальной психологии, поскольку специалисты других областей гуманитаристики уже приняли новые стереотипы; так, например, большинство современных экономистов утверждают, что экономика – социальная наука, которая принципиально не рассматривает индивидуальную организацию хозяйства, т. е. экономическую робинзонаду.)

Проблемы, связанные с демаркацией и взаимоотношением наук, в том числе в связи с ростом междисциплинарных исследований, ясно свидетельствуют о необходимости самостоятельной области их изучения, коей и предстаёт философия. Следует также учесть, что помимо науки существуют и иные формы познания, в том числе религия и искусство, соответственно, необходимо осмысление взаимодействия разных форм познания. Можно, конечно, утверждать, что наука – единственная подлинная форма знания, но нельзя всерьёз отрицать то, что само это утверждение является философским. Но даже если можно было бы свести всё знание к исключительно научному, а философию – к теоретическим основам разных наук, то даже в этом случае её преподавание в качестве отдельной дисциплины прагматически оправдано, поскольку вместо неё необходимо было бы ввести большое количество других дисциплин, которые обеспечивают получение универсальных знаний и формирование мировоззрения у обучаемых. В связи с тенденцией сокращения объёма университетского образования, казалось бы, более практично уменьшить количество преподаваемых дисциплин при расширении курса философии за счёт более подробного рассмотрения их теоретических аспектов, если, конечно, признавать значение универсальных знаний в принципе.

А такое отрицание универсальных знаний (и университета как основного института их создания, сохранения и передачи) мыслимо, если полагать, что они невозможны, не нужны или даже небезопасны. Признание невозможности универсальных знаний может обосновываться представлением, что они недоступны людям или же являются лишь иллюзией. Первое представление свойственно религиозной критике философии, в соответствии с ним познание является божественной прерогативой, стремление к познанию – греховное желание человека возвыситься до божественности, преодолеть собственную природу. Однако при этом в большинстве своём религии утверждают значимость подлинного проявления знания – мудрости, которая в некоторых случаях противопоставляется неподлинным формам, в том числе частую науку и философию. Однако это не отрицает универсальных знаний, но, напротив, утверждает их, хоть и в особой форме. А если

следовать понятиям, а не просто именам, то не отрицаются также ни наука, ни философия, но лишь их определённые проявления. Религиозные представления, отрицающие философию, остаются философскими, даже если они не признают этого, поскольку именно философия – теория познания и стремление к подлинной мудрости по самому своему понятию.

Схожая ситуация наблюдается с признанием универсальных знаний иллюзией. Положение, что универсальные знания ничего не описывают, являясь фикциями, разрабатывалось в традиции номинализма уже в античной философии, сыграло важную роль в новоевропейском эмпиризме и широко распространилось в условиях доминирования позитивизма в современной культуре. В номинализме считается, что универсальные знания, представая в виде общих высказываний или высказываний, оперирующих общими понятиями, являются ложными или такими, истинность которых невозможно установить, а потому они вообще не являются знаниями. Прежде всего, если все общие высказывания – ложные, то ошибочным является и само это высказывание (парадокс лжеца). Аналогичным образом должно быть отвергнуто утверждение, что следует отбросить все высказывания, кроме опытно проверяемых, поскольку его невозможно проверить на опыте. И вообще, сама ситуация, когда определённое течение философии пытается отвергнуть философию, – не что иное, как парадокс. Следует также учитывать, что устранение общих высказываний ликвидирует не только философию, но и математику, и теоретические разделы всех наук, поскольку они также оперируют такими высказываниями.

Похожая ситуация имеет место и в отношении общих понятий. Из того что общие понятия являются только именами имён, ничего не означая в реальном мире, не следует, что они невозможны. Имена имён относятся к реальности, хоть и опосредованно и не всегда чётко (но такая нечёткость – не причина утверждения о невозможности понятия, но основание требования его уточнения). Но даже если признать, что нет человека вообще, всё же абсурдно делать выводы о невозможности употребления этого понятия, точно так же, как глупо выводить отрицание математики из того, что нет единицы вообще, физики – что нет тела вообще, химии – что нет молекулы вообще и т. д. Признавая общие понятия иллюзиями (фикциями), номинализм всё же не может признавать их возможность, пусть и в этом статусе. И вообще, объявить невозможными общие понятия или общие суждения – значит объявить неосуществимым наше собственное мышление. А потому невозможны не сами универсальные знания, а проекты обоснования их невозможности.

Но признавать существование универсальных знаний не значит признавать их значение. Так, утверждают, что универсальные знания – не что иное, как скопище банальностей и неясностей, которые совершенно не нужны. Действительно, многие универсальные знания проявляются в виде тривиальных или туманных высказываний, однако сами по себе эти неоригинальность и смут-

ность, как и вышеназванная иллюзорность, не означают отсутствие нужды в них. Так, общие понятия, на которых базируются универсальные знания, можно считать эфемерными или невнятными, но невозможно отрицать их пользу, по крайней мере для организации познания. Даже если предположить, что у нас есть сверхязык, в котором имена собственные имеются у каждого отдельного предмета, каждого явления, каждого события, каждого процесса и пр., то даже в этом случае использование общих понятий будет эффективным для организации знания (только для замены общего имени «человек» потребовалось бы введение миллиардов единичных имен, и уже вследствие этого язык оказался бы дисфункциональным). То же относится и к идее сверхдискурса, в котором используются только протоколы, но не общие высказывания, – даже если допустить, что эта идея осуществима, то всё же сложность такого дискурса потребует для его организации введения метадискурса, слагающегося из общих высказываний. Так что даже если не признавать практического значения универсальных знаний, то всё равно нельзя не учитывать их теоретической важности, а поскольку в науке теоретическая составляющая всё ещё считается доминирующей, то философия оказывается, по крайней мере, научно значимой дисциплиной. А не признавать практическое значение философии, важным аспектом которой является этика, можно только на основе постулирования чистой праксиологии без аксиологии. Поскольку такое постулирование, действительно, активно практикуется в современной культуре, то зачастую адептам указанного подхода философия может казаться даже вредной.

Универсальные знания могут восприниматься как опасные по причине того, что они нарушают некоторый «правильный порядок» (традиции) индивидуальной жизни, межличностного общения и социальности в целом или в определённых их аспектах. Постулирование опасности философии в целом возможно лишь в случае радикального иррационализма, который, оставаясь при этом философской позицией, опять-таки логически отрицает себя. Однако, поскольку крайний иррационализм отвергает вкуче с рациональностью ещё и логику, то его ниспровержение, с одной стороны, не может ограничиваться только вопросом формальной противоречивости этой позиции, а с другой – невозможно никакое теоретическое обоснование нищеты иррационализма, которое было бы принято его адептами. Опровержение радикального иррационализма, однако, здесь и не важно, поскольку, утверждая вредоносность не только универсальных знаний, но и знания вообще, он тем самым отвергает не только университет, но вообще образование вкуче с его возможными реформами.

Более последователен умеренный иррационализм, утверждающий, что универсальные знания вредны не сами по себе, но лишь их определённые компоненты или проявления. Правда, при таком утверждении универсальные знания и не могут отрицаться в полном объёме, но должны в определённых аспектах просто огра-

ничиваться. Так, например, если признавать вредность этического аспекта философии, то следует именно его подвергнуть всесторонней критике, но не отвергать философию в целом. Поскольку наиболее часто опасность философии видится в том, что она разрушает традиции, не восполняя полученный пробел продуктивными программами и ценностями, то именно это основание отрицания универсальных знаний как вредных и следует рассмотреть подробнее. В истории философии ярчайшим образом такой взгляд представлен в суде над Сократом; он также проявляется в осуждении философии и свободомыслия религиозными традициями и диктаторскими режимами. В сущности, во всех этих случаях, действительно, отрицаются не сами универсальные знания, но определённый аспект их проявления, а именно – проблемность и исономичность. Иными словами, философия отрицалась за то, что, культивируя самостоятельное мышление, заставляла сомневаться в доминирующих трактовках универсальных знаний, предлагая искать иные равноправные, а часто и более обоснованные интерпретации.

Как таковая философия предстаёт вредной только в отношении к догме. Отрицание философии означает претензию на интеллектуальный монархизм. Сегодня отбрасывают философию не учёные, но догматики – так же, как они осуждали её ранее с религиозных или идеологических позиций. В некоторых случаях догматизация универсальных знаний была важна, но она всегда выливалась в стагнацию интеллектуального развития и, в итоге, в их полную дисфункцию. Вообще, признавая опасность философии, догматизм чаще всего признаёт и её значение, а потому ограничивает доступ к её преподаванию (или преподаванию её догматизированных образов). Если людьми без философского образования (или вообще недумающими) легче управлять, то всё равно философия нужна для самих руководителей. А поскольку важнейшая задача университета – это именно формирование управляющей элиты, то в таком случае там должна преподаваться философия, но само университетское образование должно быть менее массовым (в пределе авторитаризма – университетское образование для одного правителя). Следует заметить, что негативное отношение к философии в постсоветских странах в значительной мере как раз связано с её догматизацией в советскую эпоху, тем более негативной, что в сравнении с ней современная философия часто представляется господством софистики и релятивизма. Ни софистичность, ни догматичность не составляют подлинной сущности философии, а потому эти её проявления и не могут выступать основанием для дисквалификации.

Помимо вышеназванных возражений против преподавания философии в университете следует рассмотреть ещё одно, которое связано с осмыслением формы передачи универсальных знаний. Возражение состоит в том, что универсальные знания могут представлять как естественно свойственные людям (например, врождённые) или настолько простые, что их следует осваивать в самом начале обучения. В самом деле, если универсальные знания врож-

дённы каждому и всеми раскрываются одинаково, то вряд ли имеет смысл их преподавать. Однако в реальной жизни они никогда не обнаруживаются любым человеком естественно и однозначно, что показывает, по крайней мере, необходимость помощи в их выявлении, то есть преподавания. Что же касается преподавания универсальных знаний в начале обучения, то это положение предполагает особый образ образования, который можно назвать дедуктивным, поскольку тогда обучаемый переходит от постижения универсальных законов к познанию частных случаев. Это в определённой мере имеет место в современном образовании (например, математика преподаётся раньше физики, а первый раздел любой дисциплины – как раз наиболее общая теоретическая, то есть философская, её часть). В современном образовании, правда, есть проявления и обратной последовательности, то есть индуктивного образования (так, обычно родной язык преподаётся раньше общей лингвистики). Вообще, конструкцию образования можно мыслить различным образом: что следует преподавать раньше – логику или лингвистику, праксиологию или экономику, аксиологию или этикет, – но ни один из вариантов не означает исключения философии. Отмечу лишь, что при чисто дедуктивном образовании логично называть университетом начальную школу, в которой и следует тогда преподавать универсальные знания (остаётся, правда, вопрос о том, какой характер в этом случае приобретёт философия, которая сегодня, судя по отзывам студентов, слишком сложна даже для их восприятия).

Помимо этих подходов существует и совершенно радикальный взгляд, отрицающий возможность преподавания философии вообще. Представление, что философии по-настоящему невозможно научить, ей можно только научиться, широко распространено среди самих философов. Если принять это представление, то философия близка искусству. Подобно тому как можно научить рисовать и разбираться в искусстве, но нельзя научить стать художником, можно научить размышлять и привить компетентность в истории философии, но невозможно научить стать философом. В сущности, то же самое характеризует и науку вообще: можно преподать научные сведения и выработать навыки оперирования ими, но невозможно научить стать учёным. И если нельзя воспитать ни художника, ни философа или учёного, то это не критика их самих, но осуждение системы образования, которая построена как привитие или потребление знаний, но не как воспитание. Но даже в такой системе образования художники, философы и учёные всё равно будут появляться, поскольку это определяется самостоятельным выбором и возможностями обучаемого. Способность научить всегда определяется потребностью научиться, а потому философии можно учить только того, кто ей учится. Из этого, конечно, можно сделать вывод, что философии не следует учить, люди сами ей научатся и помимо университета, но то же самое можно сказать и об учёных в целом. Художники, философы и учёные будут появляться и вне

системы образования сообразно потребности в них, вопрос лишь в том, каков будет уровень их развития и компетентности.

Тут имеет смысл оговориться о представлении, что общественная потребность в философии невелика, а потому её преподавание неэффективно. Действительно, современность характеризуется ростом специализации и практической применимости знания, в силу чего специальные и прикладные науки востребованы в гораздо большей мере. Однако по этой причине следовало бы отказать и от преподавания фундаментальных наук. Так, возможно, действительно эффективной была бы замена преподавания математики обучением информатике, однако такого рода преобразования подразумевают принципиальную трансформацию статуса человека (от самостоятельной личности – к компьютерной подсистеме) и в определённой степени являются преждевременными. Кроме того, устаревание технических знаний и специальностей, требующее постоянного самостоятельного образования (при его технологическом облегчении) в большей мере свидетельствует о необходимости получения именно наиболее стабильных универсальных знаний. Чем быстрее развивается наука, тем большее значение должна приобретать философия. С другой стороны, общественная потребность в философии исторически была тем выше, чем интенсивнее происходила межкультурная коммуникация (само возникновение философии в Древней Греции имело место именно по причине необходимости рационализации различий культурных программ народов, с которыми греки торговали). Логично, что с учётом глобализации значение философии падает. Однако сам характер глобализации противоречив, надежда же на то, что межкультурные различия будут и далее сглаживаться, столь же эфемерна, каковой она была в прошлом многочисленных имперских «объединений мира».

Ещё одной важной причиной падения общественной потребности в философии является её сущностная связь с властью в обществе. Чем более демократия становится номинальной, тем менее необходимо распространение самостоятельного мышления. Однако вне демократии повышаются требования к самостоятельному мышлению реальных руководителей и тем самым возрастает значение философии в их подготовке.

Помимо вышеназванных, надлежит ещё сказать и о представлении, что философию не следует преподавать в университете, поскольку зачастую это делается совершенно непрофессионально. Из этого утверждения следует требование повышения качества преподавания философии, а не его отмены.

Таким образом, возражения против преподавания философии оказались ошибочными или парадоксальными. Но в отсутствие рациональных оснований отвергать философию мы неминуемо вынуждены признать, что единственная причина этого требования – иррациональная неприязнь философии. Ясное свидетельство этого проявляется уже в том, что противники философии даже не раз-

бираются в аргументации философов, а просто её отбрасывают. Не менее важным показателем в данном случае выступает и то, что студенты, начиная обучение, представляют философию важной и увлекательной наукой о смысле жизни и духовности человека, а завершая – пугающей абракадаброй. Но если это так, то в распространении идеи исключения философии из университета виновны в значительной степени практики её преподавания, генерирующие софиофобию.

Софиофобия (как иррациональное неприятие познания и обучения) философии, как, впрочем, и других наук или форм познания вообще, может быть реакцией на личность преподавателя или на конкретную ситуацию, связанную с контекстом преподавания. Однако такая софиофобия носила бы частный характер, и решение проблемы требовало бы анализа конкретной ситуации. Например, причиной софиофобии как особого расстройства интеллекта или когнитивного нарушения применительно к отдельному человеку может быть физиологическое нарушение, но поскольку в данном случае мы говорим об общественном явлении, то здесь, скорее, имеет место некий психический тренд, широкое распространение определённой когнитивной программы, которая может иметь вирусную природу. С другой стороны, несмотря на то что некоторые симптомы такого тренда различимы в прокламациях постзнания, замены знания информацией или мифом, всё же софиофобия пока не носит всеобщего характера, что можно было бы ясно заметить по отказу от образования или жёсткому его ограничению, как это происходит, например, в условиях диктатуры. Наиболее вероятно, что речь идёт именно о негативном отношении к философии, которое, впрочем, неминуемо стимулирует софиофобию в отношении любых форм познания, по крайней мере в том его смысле, который принят в западных культурах.

Поскольку рациональные аргументы софиофобии в отношении философии мы в основном рассмотрели выше, нам остаётся ответить на вопрос, что именно в преподаваемой философии страшит или раздражает слушателей. Поскольку этот вопрос чрезвычайно обширный, то здесь я приведу лишь несколько собственных замечаний на этот счёт, опирающихся на личный опыт как обучения, так и преподавания философии.

Прежде всего, в отличие от других наук философию характеризует отсутствие структуры при значительной информационной нагруженности. Современный курс философии слагается из историко-философского блока, а также разрозненных фрагментов, относящихся к метатеоретической базе различных наук, вкуче с обособленными темами, которые по тем или иным причинам оказались по ту сторону эмпирических исследований. Что касается преподавания различных философских доктрин прошлого, то оно, конечно, выступает важнейшей основой философского образования, но сегодня зачастую подаётся как агрегат случайной информации, ценность которой сложно уловима для обучаемых. Обучаемые вполне

вправе спросить: почему при преподавании физики или любой точной науки изучение воззрений отдельных учёных прошлого не занимает существенной части, а в философии – занимает? Или иначе: если бы сейчас преподавали Платон или Кант, то неужели они также просто перечисляли бы достижения прошлого и ограничивались реконструкцией воззрений своих предшественников? Конечно, существенная часть преподавания философии – формирование мировоззрения, а таковое действительно подразумевает обращение к личностному опыту философствования. Однако обучаемые вправе требовать такого примера от самого преподавателя, а в реальности последний чаще всего отказывается его предъявлять, замещая собственное размышление реконструкцией или аранжировкой чужого. История философии важна, прежде всего, поскольку она предопределяет актуальную философию, в противном случае она действительно служит серьёзным источником софиофобии в отношении философии.

Другая сторона пугающей несистемности философии – теоретический блок, который сегодня часто выступает агрегатом введений в различные отдельные дисциплины. При этом существенные пробелы в курсе обеспечиваются за счёт исключения важного материала в пользу других преподаваемых курсов. В частности, гносеология может казаться пустыми спекуляциями о познании вне логики, лингвистики и психологии, онтология – вне физики, социальная философия – вне этики, социологии, культурологии и пр. Отдельное преподавание этих дисциплин хотя бы отчасти компенсировало бы проблему отсутствия структуры, однако чаще всего они вообще сокращены (так, например, сегодня из университета исчезли этика, эстетика и логика), тогда как в программе философии не восстановлены. По идее, помимо специализированных курсов, в университете следовало бы преподавать курс философии, в котором в интегрированном виде содержалась бы наиболее значимая информация по основным наукам за пределами специализации, но это решение не менее сложно выполнимо, чем вышеназванное требование к преподавателю философии быть оригинальным мыслителем.

Наконец, ещё одной важнейшей проблемой, стимулирующей софиофобию в отношении философии, является её статус в современной культуре. Философы уходят от активного обсуждения актуальных проблем современной культуры, а культура платит им за это приравниванием философии к эзотерике и трендом «смерти философии». Когда средства массовой информации создают образ счастливого потребителя, не задумывающегося над сущностными проблемами своего бытия, словно бы рациональность как раз и состоит в отказе от разума, философия кажется делом несчастных одиночек, обитающих в «башнях из слоновой кости», что, безусловно, также пугает студентов. Этот образ философии ещё сложнее изменить, чем кардинально реформировать её преподавание, однако вне таких трансформаций, а также без утверждения фило-

софии как необходимой самостоятельной формы универсального знания софиофобия будет побеждать, какие бы рациональные аргументы не находились против неё.

В заключение следует отметить, что отрицание философии, свойственное современности, может способствовать тем трансформациям культуры, которые и ранее имели место при схожих программах, а именно – расцвету примитивного догматизма и нетерпимости, мистификации и мифологизации культуры, стагнации и дисфункции знания. Впрочем, история также показывает, что такие программы изживают себя, тогда как философия возрождается, приобретая тем большее значение, чем с большим пафосом она изживалась. Отрицание философии, по сути, есть самоотрицание человека как носителя разумности, а потому даже если оно и осуществимо, то всё же не в наших интересах.